

Вячеслав ВЛАЩЕНКО

СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ ПОЭМЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «МЦЫРИ»

180 лет тому назад, в **1839 году** Лермонтов, «один из самых религиозных наших поэтов» (Н. Бердяев) и «трагический духовидец» (В. Ильин), рассказавший о кромешной силе соблазна и порока, страшно терзающих человеческую душу, написал одно из лучших своих произведений — поэму «**Мцыри**», глубокая проблематика и главные идеи которой и сегодня сохраняют поразительную остроту и актуальность.

Несмотря на большое количество исследований о творчестве Лермонтова, глубинный смысл поэмы без религиозного, христианского, православного осмысления остается непостижимым во всей его полноте. В научной литературе можно выделить две содержательные работы — Д. Максимова (1904—1987) в его книге «Поэзия Лермонтова»¹ и исследование А. Моторина (представленное в четырех разных изданиях²), — в которых дан последовательный анализ произведения, от первой главки к последней. Наша задача — заново пройти этот путь и предложить свою интерпретацию духовно-нравственно смысла поэмы и объяснить главные причины трагедии Мцыри.

Что же собой представляет главный герой поэмы, яркий и героический представитель горских народов Кавказа? В лермонтоведении можно выделить три основные трактовки Мцыри, раскрывающих ядро этого образа.

Это «**естественный человек**», цельный «человек природы», живущий прежде всего инстинктами и чувством любви к свободе, к своему отечеству и жадной борьбы, полагают Ю. Лотман (1922—1993), А. Гуревич, С. Кормилов, В. Коровин, Ю. Манн и др.; это, по словам Д. Максимова, «высокий мятежный герой, стремящийся из своего заточения на родину, в мир цельного бытия, свободы, борьбы и любви»³.

Вячеслав Иванович Влащенко — литературовед, методист. Автор трех книг («Проблема литературной преемственности на уроках внеклассного чтения в старших классах» (Л., 1988), «Уроки литературы в выпускном классе» (в соавторстве с Г. Н. Иониным; СПб., 2009), «Современное прочтение романа М. Ю. Лермонтова „Герой нашего времени“» (СПб., 2014) и более 120 публикаций о русской литературе XIX—XX веков («Московский пушкинист», «Social Sciences», «Вопросы литературы», «Литература в школе», «Русская словесность», «Литература», «Начальная школа» и др. издания). Лауреат премии журнала «Нева» (2018).

¹ Максимов Д. Е. Поэзия Лермонтова. М.; Л., 1964. С. 178—246.

² Моторин А. В. Духовные направления в русской словесности первой половины XIX века. Новгород, 1998. С. 132—145; Жребий Лермонтова // Христианство и русская литература. Вып. III. СПб., 1999. С. 151—163; Творческий жребий М. Ю. Лермонтова // М. Ю. Лермонтов и православие. М., 2010. С. 422—456; «Мцыри» // М. Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь. Гл. ред. и сост. И. А. Киселева. М., 2014. С. 323—327.

³ Максимов Д. Е. Указ. соч. С. 182.

Это противоречивый романтический **герой с демоническими чертами**, считают С. Шувалов (1880–1941), В. Вацуро (1935–2000)⁴, М. Дунаев (1945–2008), Б. Удодов и др.: например, Э. Бабаев (1927–1995) утверждает: «В поэме „Мцыри“ отчетливо обозначены демонические черты в характере героя и в его мечтах, в его победах и поражениях, в дерзких поступках»⁵.

По мнению А. Моторина, вся поэма — это предельно искренняя **«исповедь христианина»**, так как главный герой все-таки расстается с искушающей его обольстительной мечтой о земной родине и «в конце исповеди смиряется и, следовательно, духовно исцеляется»⁶, а через много лет он сам подробно рассказывает свою историю (старый монах в первой главе — это выживший и преобразившийся Мцыри): «В поэме „Мцыри“ на уровне образа главного героя глубоко выразились сложности перехода от смешанного язычески-пантеистического и антихристиански-демонического сознания (здесь обнаруживается глубинное родство этих состояний духа) к православной мистике»⁷.

Еще дальше в этом направлении идут И. Щерблюкин⁸ и автор книги «Тайна Лермонтова»: «...несмотря на свой побег из монастыря перед постригом, мцыри до конца произведения остается **послушником** в высшем смысле этого слова». Игумен Нестор говорит о «высшем послушании, которое можно было бы назвать послушанием героя своей сокровенной природе, определяющей его индивидуальность. <...> Он — личность, не только не восстающая на Творца, но <...> до конца сохраняющая любовь к «творению Бога своего». И в этом заключается второй аспект высшего послушания героя»⁹.

Это очень странное утверждение православного священника, на наш взгляд, совершенно противоречит и тексту Лермонтова, и позиции Мцыри (который, «гордо выслушав» «увещеванье и мольбу» чернеца, произносит свой страстный монолог), и сути обета монашества о послушании: «Послушание — это <...> состояние того, кто является чьим-то учеником, который нашел своего учителя, который его избрал, который в этом учителе видит превосходство над собой, который всеми силами души и ума, и сердца, и воли, и тела хочет так вслушаться в его учение, чтобы все воспринять, что тот ему может передать. <...> Так относится послушник, молодой монах к своему старцу...»¹⁰

Проверим приведенные трактовки главного героя последовательным анализом текста поэмы, включающей в себя 26 главок. В композиционном плане можно выделить повествовательно-авторскую экспозицию (гл. 1–2) и монолог Мцыри, рассказ о побеге из монастыря (гл. 3–26)¹¹, причем главки имеют разный объем — от 11 (гл. 19 и 24) до 66 стихов (гл. 23).

⁴ В. Вацуро многократно в своих статьях называл Мцыри «естественным человеком», но в то же время отмечал: «Его внутреннее родство с Демоном ощутимо: в нем заложено то же протестующее, бунтарское начало и та же сила духа, которая движет падшим ангелом...» (Вацуро В. Э. О Лермонтове: Работы разных лет. М., 2008. С. 416, 550, 574, 597).

⁵ Бабаев Э. Сны Мцыри // Литература. 1995. № 3. С. 6.

⁶ Моторин А. В. Творческий жребий М. Ю. Лермонтова. С. 443.

⁷ Моторин А. В. «Мцыри». С. 323.

⁸ «Уходя из монастыря, Мцыри „бунтует“ не против Бога, а против лицемерия, к которому не должен прибегать человек, любящий Бога. Строго говоря, это не отказ от Бога, а исполнение (весьма необычное, конечно) воли Творца — следовать своему выбору и отвечать за него перед Всевышним» (Щерблюкин И. М. Ю. Лермонтов и православие // М. Ю. Лермонтов и православие. М., 2010. С. 146).

⁹ Нестор (Кумыш), игумен. Тайна Лермонтова. СПб., 2012. С. 421–422. Ср. с конспективной записью Л. Пумпянского (1891–1940): «Мцыри — не пророк новой религии, а основатель ее; он — человек, исполняющий дело Бога Самого...» (Пумпянский Л. В. Лермонтов // М. Ю. Лермонтов: pro et contra: Антология. СПб., 2014. С. 877).

¹⁰ Антоний, митрополит Сурожский. Человек перед Богом. М., 2001. С. 228.

¹¹ С. Кормилов в монологе героя выделяет три части: начало (гл. 3–8), основную часть (гл. 9–23) и окончание (гл. 24–26) (Кормилов С. И. Поэзия М. Ю. Лермонтова. М., 1997. С. 128).

Такая композиционная структура определяет постановку одной из главных проблем поэмы — выделения и соотношения трех точек зрения: **Автора-творца**, раскрывающего главные **идеи** всего произведения в «большом времени» (М. Бахтин), **повествователя** («того, кто сообщает читателю о событиях и поступках персонажей, фиксирует ход времени, изображает облик действующих лиц и обстановку действия»¹² и выражает прежде всего свои **чувства**, свое эмоциональное отношение к тому, о чем он рассказывает) и главного **героя**, в исповедальном монологе утверждающего свои **высшие ценности**. Все это выводит произведение Лермонтова за рамки канона романтической поэмы, предполагающего авторский монологизм и духовное единство автора и героя¹³.

Выделение этих трех позиций позволит нам в определенной степени решить **проблему противоречий**, которую отмечают многие исследователи, когда пишут о «принципе противоречий» (Б. Эйхенбаум, А. Ранчин), о «поэтике противоречий» (Д. Максимов), о «противоречивости смысла поэмы» (Ю. Манн).

Напомним, что традиционным является мнение о «внутренней близости героя и автора»: «Герой и автор внутренне близки, почти неотделимы друг от друга»¹⁴. Многочисленные связи поэмы с лирикой Лермонтова показали в своих работах Д. Максимов и С. Ломинадзе (1926—2007)¹⁵. По мнению С. Дурьлина (1886—1954), «это героическая автобиография одного из самых свободных и мощных поэтов в мире»¹⁶. И современный лермонтовед утверждает: «...поэма „Мцыри“ в такой же степени исповедь и автора, как исповедь героя, если не забывать об особенностях романтической формы, важнейшим признаком которой считается близость, а порою и идентичность авторского сознания мироощущению героя»¹⁷. В главном герое поэмы можно увидеть двойника автора¹⁸, но это все-таки, утверждаем мы, не духовный, а его всего лишь **душевный двойник**.

Религиозная позиция героя, «естественного человека», в нашем восприятии остающегося в глубине души **язычником**¹⁹, несмотря на формальное крещение в монастыре (ни мирского, изначального имени горского мальчика, ни даже его христианского имени мы не знаем, поэтому можно предположить, что так — «Мцыри» — в своем рассказе называл его «старик седой», чернец из разрушенного грузинского монастыря, а сам герой в гл. 24. говорит о своем «темном имени»), выражена в его вдохновенном

¹² Теория литературы: В 2 т. Под ред. Н. Д. Тамарченко. Т. 1. М., 2004. С. 238.

¹³ Б. Удодов справедливо утверждает, что «в поэме „Мцыри“ <...> имеет место и „большой диалог“ между героем и автором» (Удодов Б. Т. Диалогический монологизм образно-смысловой структуры поэмы «Мцыри» // Вестник ВГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2004. № 1. С. 44).

¹⁴ Маймин Е. А. О русском романтизме. М., 1975. С. 143.

¹⁵ Ломинадзе С. В. Куда бежит Мцыри // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. Т. 2. С. 879—919 (или: Ломинадзе С. В. Поэтический мир Лермонтова. М., 1985. С. 189—226).

¹⁶ Дурьлин С. Н. Михаил Юрьевич Лермонтов. М., 1944. С. 81.

¹⁷ Щерблыкин И. П. М. Ю. Лермонтов. Очерк жизни и литературного творчества. М., 2000. С. 150.

¹⁸ «Мцыри — один из многочисленных у Лермонтова персонажей-двойников автора...» (Паперный В. Сюжеты Лермонтова в типологической перспективе // Мир Лермонтова. СПб., 2015. С. 15). По мнению Т. Радомской, «романтический герой в какой-то момент побеждает реалистически трезвый взгляд на него самого поэта <...> двойник автора <...> побеждает его самого» (Радомская Т. И. Обретение Отечества: Русская словесность первой половины XIX века. М., 2004. С. 375, 376).

¹⁹ «На Кавказе исповедовали три основные религии: христианскую, ислам и язычество» (Литвинов Н. Д. М. Ю. Лермонтов. Величие и трагедия. Воронеж, 2014. С. 235). Некоторые исследователи предполагают, что Мцыри был «мусульманского вероисповедания» (Видмарович Н. Иссушение страстью в поэме М. Ю. Лермонтова «Мцыри» // М. Ю. Лермонтов: художественная картина мира. Томск, 2008. С. 111). А. Марченко называет его «полуязычником, полумусульманином» (Марченко А. М. Лермонтов. М., 2010. С. 458).

и страстном монологе, который Мцыри назвал «*повестью горьких мук*» (гл. 24). Как поясняет русский мыслитель Л. Тихомиров (1852—1923), «слово язычник в религиозном отношении имеет очень ясное содержание <...> В язычестве Бог отождествляется с природой. Бог есть природа, или природа есть Бог. Создателя нет»²⁰.

Романтическая точка зрения повествователя, выражающего свои высокие **чувства** (в гл. 1 с глубокой грустью и болью рассказывающего о разрушенном православном монастыре и полуживом, забытом людьми седом старике, а в гл. 2 с искренним состраданием к несчастной судьбе героя и восхищением гордым характером и могучим духом пленного ребенка сообщающего предысторию Мцыри), отражена в экспозиции поэмы, причем повествователь существует в одно историческое время с героем произведения («*Немного лет тому назад <...> Теперь один старик седой...*»).

Православная позиция Автора, пребывающего в «большом времени», в тексте романтической поэмы открыто озвучена в концовке первой главы, в графически выделенной строфе, в которой выражена идея подлинно **христианского смирения**²¹ и понимания смысла Божественного Промысла:

И Божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

Эта идея Автора явно противопоставлена и романтической идее повествователя, идее «прославления земной жизни и борьбы» (Д. Максимов), «мятежа и борьбы» (Ю. Манн), «восторженному гимну природной свободе» (А. Позов), противопоставлена и демонической «*пламенной страсти*» главного героя. «*Божья благодать сошла на Грузию*», потому что ее мудрый царь ради мирной жизни своего народа отказался от бесконечных войн за независимость и свободу своего государства и «*вручил России свой народ*», таким образом войдя в состав великой христианской страны, последний оплот православного мира.

Комментируя первую главу, известный лермонтовед И. Андроников (1908—1990) поясняет, что царь Георгий XII «для благоденствия своих подданных в 1799 г. уступил Грузию Русской империи», ибо «перед Грузией стоял тогда вопрос: быть поглощенной отсталыми феодальными странами — шахской Персией и султанской Турцией — или присоединиться к России. Присоединение к России обеспечивало Грузии безопасность от внешних врагов и представляло собой единственно возможный путь для развития ее экономики и культуры»²².

Мы знаем, что русско-персидские (1804—1813; 1826—1828) и русско-турецкие (1806—1812; 1828—1829) войны закончились победами русской армии. И современный автор отмечает: «После того как Паскевич разгромил персидские войска, все население Грузии почувствовало себя в полной безопасности, и в первый раз за долгие ужасные годы несчастный народ вздохнул свободно»²³.

²⁰ Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М., 2015. С. 59, 90.

²¹ Ср. с доминирующей точкой зрения в советском литературоведении: «Содержание „Мцыри“ полностью противоречило религиозному учению о смирении, покорности и отречении от „земного мира“ в чаянии „небесного воздаяния“. Поэма воплотила бурный протест поэта против настойчивой проповеди духовного рабства» (Любович Н. С. «Мцыри» в идейной борьбе 30—40-х годов // Творчество М. Ю. Лермонтова. М., 1964. С. 123).

²² Андроников И. Л. Лермонтов. Исследования и находки. М., 2014. С. 305.

²³ Литвинов Н. Д. Указ. соч. С. 75.

Из комментария И. Андроникова еще мы узнаем, что «в начале XIX века не было во Мцхете действующего мужского монастыря», так как один монастырь еще в X веке был упразднен, а другой в 1705 году разорен, что в своем описании «развалин» и «могильных плит» поэт «слил два мцхетских храма» — Джавари (воздвигнутый в VII веке) и Светицховели (XI век), что «гробницы грузинских царей привлекли внимание Лермонтова в одном храме, а в другом поразило удивительное местоположение и подлинно романтическая обстановка»²⁴.

Все это говорит о том, что в **романтической поэме** нет необходимости строго соотносить сюжет и отдельные образы с историческими реалиями²⁵. Пространство художественной условности в романтическом произведении имеет гораздо более широкие границы, чем в реалистическом произведении. Например, В. Кошелев в описании красоты природы, которую созерцает Мцыри в течение трех дней побега, выделяет конкретные детали, свойственные разным временам года — весне, лету и осени²⁶, а поэт И. Сельвинский (1899—1968), в молодости бывший звероводом, отмечает совершенно недостоверное описание барса в сцене поединка с человеком (барс никогда не визжит, как собака, и не становится на дыбы, как лошадь). Поэтому и аргумент А. Моторина, что чернец не мог, нарушив тайну исповеди, пересказать монолог Мцыри (что как будто доказывает тождество старика и Мцыри в гл. 1), не убеждает, тем более что языческая исповедь Мцыри, по сути, оказывается **лжеисповедью** без покаяния. Видимо, таковыми были и предыдущие «исповеди» Мцыри перед своим духовником, если он скрывал свои подлинные чувства, свои мечты и «*пламенную страсть*» и готовился «*изречь монашеский обет*» («...столько дней / Я тайный замысел ласкал, / Терпел, томился и страдал»; гл. 21). С нашей точки зрения, монолог Мцыри воспроизводит не повествователь, а всезнающий Автор.

Но почему же **монастырь**, в котором раньше находился Мцыри, почему «храм на слиянии двух грузинских рек», по словам Л. Ходанен, «созданный в эпоху крещения Грузии, ее присоединения к христианскому миру»²⁷, оказался **разрушенным**? Именно этот важнейший и проблемный вопрос и ставит А. Бурштейн в начале своего яркого эссе о поэме Лермонтова: «Первый вопрос и главный: почему поэма начинается с описания разрушенного монастыря?»²⁸ Многие исследователи просто не видят здесь серьезной проблемы²⁹, а пояснения Ю. Манна («...поражение терпит не только Мцыри: во вступительной главе сообщается, что тот уклад жизни, от которого Мцыри бежал, „монастырь“ с его заведенным порядком давно отошли в небытие. На события поэмы автор смотрит как бы с точки зрения вечности»³⁰) и А. Моторина («Монастырь <...> теперь **упразднен за ненадобностью**, поскольку вся Грузия оказывается как бы

²⁴ Андроников И. Л. Указ. соч. С. 299, 300, 303.

²⁵ «В поэме Лермонтова среда и обстоятельства — родина, монастырь, пленение — обладают лишь незначительной долей национально-исторической конкретности» (Максимов Д. Е. Указ. соч. С. 188).

²⁶ Кошелев В. А. Историческая мифология России в творчестве Лермонтова // М. Ю. Лермонтов. Историческая мифология. Великий Новгород; Тверь, 2014. С. 29.

²⁷ Ходанен Л. А. Семиосфера храма и поэтика монастырских сюжетов в творчестве Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. Т. 2. С. 304. Все же уточним: «Согласно грузинской исторической традиции, Грузия обратилась в христианство в первой трети IV в. <...> В V в. грузинская Апостольская церковь была объявлена автокефальной» (Грузины. М., 2015. С. 564).

²⁸ Бурштейн А. С. Реальность Мифа. Избранные эссе. М.; Екатеринбург, 2015. С. 140.

²⁹ В первой главе, по мнению С. Ломинадзе, «монастырь тоже осенен „благодатью“, предстает даже неким ее средоточием <...> В поэме возникают два контрастных образа монастыря — в „авторских“ главах и в исповеди героя» (Ломинадзе С. В. Указ. соч. С. 96).

³⁰ Лермонтовская энциклопедия. С. 325.

одним большим монастырем, Божьим садом, раем — „за гранью дружеских штыков“ родственной христианской армии»³¹) для нас являются очень странными³².

Не убеждает и объяснение А. Бурштейна: «В моей интерпретации разрушение монастыря связано с погребением в его стенах нераскаявшегося героя нашей поэмы. Именно таким образом, по-видимому, в Святую Обитель проникает Дух Разрушения»³³. Для нас общность трагической судьбы Мцыри и монастыря очевидна, но к этому мы еще вернемся.

А. Моторин утверждает, что «мотив запустения, угасания жизни неожиданно и полностью снимается во второй части главки», что «в сюжет изначально входит важный для понимания судьбы героя мотив воскрешения и одновременно преобразования умирающих проявлений жизни — с помощью Божьей благодати»³⁴. Но в данном случае исследователь совершенно не учитывает принципиально важный момент — **проороческое** использование **Автором** глагола в **прошедшем времени**: «Она цвела...» (а не цветет). Сегодняшнее состояние Грузии, отпавшей от России и имеющей с ней сложные отношения (в августе 2008 года потерпевшей поражение в скоротечном вооруженном конфликте с Россией, которая была вынуждена защищать мирный народ Южной Осетии от военной агрессии Грузии³⁵), невозможно определить этими словами.

Во **второй главе** повествователь рассказывает о том, как пленный ребенок «лет шести» попал в монастырь, что означает участие его родного народа в Кавказской войне против России; рассказывает о детской физической слабости и могучем духе Мцыри, о его чувстве собственного достоинства («Без жалоб он томился <...> И тихо, гордо умирал») и «неясной тоске по стороне своей родной» после выздоровления; рассказывает о жалости монаха и «хранительных стенах» монастыря, о крещении его «святым отцом» и неожиданном побеге накануне принятия «монашеского обета»³⁶, о стойком молчании беглеца на «допросе» и о том, как «чернец» пришел к умирающему Мцыри «с увещеваньем и мольбой» о его покаянии, чтобы успеть перед смертью спасти душу бунтаря. Только покаянная исповедь может стать спасительным средством очищения души от грехов и примирения с Богом, без чего человек не может войти в Царство Божие.

Голоса чернеца, «святого отца», видимо, знаменательно и не случайно выделенного из всей монастырской братии, мы не слышим, а весь предсмертный монолог бунтующего и гордого героя («И гордо выслушав, больной...») звучит как открытый спор юноши-язычника со стариком, православным монахом, опровержение его, выражение и утверждение своей воли, своей позиции, своей правоты.

В этой главе заявлена одна из важнейших тем поэмы — тема плена, неволи, определенной формы **насилия**. Несмотря на «хранительные стены» и искреннюю жалость монаха, «обитель» оказалась для Мцыри **тюрьмой**, лишившей его свободы выбора,

³¹ Моторин А. В. Творческий жребий Лермонтова. С. 440.

³² В XI — начале XX века «всего на территории Российской империи было основано 2574 монастыря», в том числе «в Грузии было основано 48 монастырей» (Володарский Я. Е., Истомина Э. Г. Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI — начало XX в.). М., 2009. С. 74, 78). А в 1825 году в Российской империи всего было 377 монастырей, причем Грузинский экзархат насчитывал 31 монастырь (см.: Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX — начале XX века // Монашество и монастыри в России. XI—XX века: исторические очерки. М., 2002. С. 304).

³³ Бурштейн А. С. Указ. соч. С. 159.

³⁴ Моторин А. В. Творческий жребий Лермонтова. С. 439.

³⁵ См.: Грузия. Закавказский тупик? М., 2010.

³⁶ Пострижение в монашество по указу Петра I разрешалось для мужчин с 30 лет, хотя на практике допускались отступления. Например, «о возможности раннего пострижения — до 15 лет — пишет Иосиф Волоцкий» (Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 288, 303).

пусть и «доброй тюрьмой» (Ю. Манн), для «послушника» и в то же время «чужеземца»³⁷ («Но послек плену он привык, / Стал понимать чужой язык»)³⁸, который после побега был подвергнут допросу («Он на допрос не отвечал / И с каждым днем приметно вял»).

Многие исследователи видят основную оппозицию поэмы Лермонтова в противопоставлении цивилизации и природы³⁹. Д. Максимов говорит о трехчастной структуре мира: несвободная цивилизация — вольное царство природы — мир человеческого идеала⁴⁰. По мнению А. Ранчина, трехчастная структура имеет несколько другой вид: цивилизация — природа — Бог⁴¹. С нашей точки зрения, более важной является духовная оппозиция: «христианство — язычество», которая требует своего адекватного осмысления.

Третья глава, являющаяся одной из **ключевых** для понимания трагедии Мцыри, начинается признанием героя: «Ты слушать исповедь мою / Сюда пришел, благодарю. / Все лучше перед кем-нибудь / Словами облегчить мне грудь; / Но людям я не делал зла, / И потому мои дела / Немного пользы вам узнать, — / А душу можно ль рассказать?»

А. Моторин так комментирует эти строчки: «Мцыри <...> начинает исповедь с признания ее благодатной силы <...> И тут же высказывает еще одну важную христианскую мысль: „Но людям я не делал зла“. Отсутствие озлобления, не раз подчеркнутое в поэме, указывает на невинность преступления героя (что обозначено уже в эпиграфе)»⁴².

В нашем восприятии уже первые слова из этого монолога говорят о том, что Мцыри не принимает христианское учение о грехе, покаянии и прощении, не понимает того, что злом могут являться не только конкретные поступки и дела, но и греховные мысли и чувства, не понимает сущности исповеди⁴³. Мцыри как будто не знает, что самые почитаемые христианские святые считали себя великими грешниками. Он не понимает того, что исповеди без покаяния не может быть, что «отвергающий покаяние — отвергает Спасителя» (свт. Игнатий Брянчанинов). Такое состояние души Мцыри, когда человек грехов своих не видит и не чувствует, можно определить словами «окамененное нечувствие»: «Убоимся окамененного нечувствия грехов наших; убоимся гордости своей сердечной, которая говорит: не нуждаюсь я в прощении грехов, я не виноват, я не грешен или: грехи у меня легкие, человеческие — как будто нужно, чтобы были бесовские»⁴⁴.

³⁷ Ссылаясь на давнюю публикацию В. Шадури (1910—1988), Д. Максимов напоминает, что в грузинском языке закрепилось и второе значение слова «мцыри» — «пришелец», «чужеземец», то есть прибывший добровольно или переселенный из чужих краев одинокий человек (Максимов Д. Е. Указ. соч. С. 184).

³⁸ «Кавказ обладал громадным племенным и языковым разнообразием <...> на территории Кавказа проживало громадное количество маленьких народностей. <...> В своих произведениях Лермонтов часто называл конкретные этносы Кавказа: лезгин, черкесов, чеченцев, татар...» (Литвинов Н. Д. Указ. соч. С. 212, 218, 219). Но в данной поэме для Лермонтова не имела значения конкретная национальность представителя горских народов.

³⁹ Например, в ранней работе Ю. Лотмана, написанной в 1961 году, мы читаем: «В поэме Лермонтова цивилизация приравнена миру „тюрьмы“, а положительные идеалы — природе» (Лотман Ю. М. Из комментария к поэме «Мцыри» // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 548).

⁴⁰ Максимов Д. Е. Указ. соч. С. 233—234.

⁴¹ Ранчин А. М. Структура и символика поэмы «Мцыри» («принцип противоречий») // Мир Лермонтова. СПб., 2015. С. 315.

⁴² Моторин А. В. Творческий жребий М. Ю. Лермонтова. С. 440.

⁴³ «Исповедь состоит в устном обвинении себя в грехах мыслями, словами, чувствами, желаниями, ощущениями, идеалами, вообще в раскрытии совести грешника в самых глубочайших ее изгибах перед Богом при посредстве священника, для получения через него отпущения в них, по данной ему власти от Господа Иисуса Христа» (Библиотека Благовеста. 1996. № 2. С. 36).

⁴⁴ Дьяченко Г. Вера. Надежда. Любовь. Катехизическое поучение. М., 1993. Т. 1. С. 381.

Настоящая трагедия Мцыри состоит в том, что его душой овладела «пламенная страсть», поистине **демоническая страсть** («как червь»), ибо цель лукавого — овладеть человеческой душой и погубить ее. И в итоге «могучий дух» Мцыри окажется надломленным этим внутренним злом. Как в концовке 1-й главы в слове повествователя, так и здесь, в слове героя, Автор открыто выражает свою позицию и раскрывает главную причину трагедии Мцыри в следующих стихах:

Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть...
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.

Сравнением с «червем» Автор именно здесь разоблачает демоническую страсть своего героя, который не осознает этого (ибо осознание предполагает необходимое и неизбежное покаяние) и находит себе очень красивое романтическое объяснение-оправдание: «Она мечты мои звала / От келий душиных и молитв / В тот чудный мир тревог и битв, / Где в тучах прячутся скалы, / Где люди вольны, как орлы».

По словам М. Дунаева, «идеал Мцыри — бездуховен, неблагоприятен. Закабаление же любой страстью ведет душу к гибели — предупреждением о том переполнены святоотеческие писания»⁴⁵. Концовка 3-й главы («Я эту страсть во тьме ночной / Вскормил слезами и тоской; / Ее пред небом и землей / Я ныне громко признаю / И о прощенье не молю») говорит о том, что Мцыри не имеет нужды в покаянии и относится к тем гордецам, которые душевно неизлечимы из-за полного отсутствия понимания своей греховности, а вдохновенное, страстное, заразительное слово героя становится словесным грехом, становится для читателя «ядом в ухо» (С. Засе).

С. Ломинадзе, опираясь на текст 3-й и 4-й глав, настаивает на том, что не одна, а «две пламенные страсти владеют Мцыри»: «Рваться в „мир тревог и битв“ и мечтать об отчизне, доме, друзьях, родных, о „милах душах“ и „могилах“, о том, чтобы „хотя на миг“ прижаться к „незнакомой, но родной“ груди — это разные вещи»⁴⁶. В нашем восприятии это все-таки не две, а одна страсть, одна мечта, в которой с христианской точки зрения можно выделить два полюса, два начала — положительное, высокое, идеальное и отрицательное, соблазнительное, греховное, которое, «как червь», изнутри подтачивает «корни» живой души, так как «для горянки отчизна — это семейный очаг, муж, дети, а для горца понятие отчизны значительно шире»⁴⁷.

Из **4-й главы** мы узнаем о том, что Мцыри в своих мечтах, чувствах и мыслях, в своем отношении к окружающим людям и миру в целом, несмотря на многолетние усилия монахов, остается **язычником**, глубоко чуждым христианскому миру⁴⁸: «И я, как жил, в земле чужой / Умру рабом и сиротой»⁴⁹. Как замечает В. Вацура, «монастырь и его обитатели никак не являются врагами Мцыри — напротив; но сама форма их существования, их „закон“ органически враждебен закону сердца»⁵⁰. И все же христианский монастырь оказывается «тюрьмой» для пленного ребенка, мечтающего о «воле».

⁴⁵ Дунаев М. М. Православие и русская литература. В 6 ч. Ч. 1–2. М., 2001. С. 354.

⁴⁶ Ломинадзе С. В. Указ. соч. С. 880.

⁴⁷ Литвинов Н. Д. Указ. соч. С. 81.

⁴⁸ «Все специфически человеческое, все социальное, личностное или „духовное“ для язычества в принципе приравнено к природному...» (Аверинцев С. С. София — Логос: Словарь. Киев, 2006. С. 523).

⁴⁹ В романтических произведениях, отмечает М. Вайскопф, «сиротство и одиночество есть знак богооставленности героя» (Вайскопф М. Я. Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. М., 2012. С. 251).

⁵⁰ Вацура В. Э. О Лермонтове. С. 550.

Как отмечает Э. Бабаев, «в его исповеди много поэзии, много лирики, много „картин“, но совсем почти нет духовной глубины»⁵¹. Это особенно проявляется в отношении Мцыри к старому монаху, в непонимании мудрой старости, освященной светом Истины: «Пускай теперь прекрасный свет / Тебе постыл, ты слаб, ты сед, / И от желаний ты отвык. / Что за нужда? Ты жил, старик! / Тебе есть в мире что забыть. / Ты жил, — я также мог бы жить!» (гл. 5)

В представлении Мцыри настоящая жизнь — это прежде всего жизнь «разгульной юности», «пламенных страстей», «ненависти и любви», это «буря» и «гроза», это борьба с врагами, доставляющая наслаждение, и радость победы над поверженным врагом. Он не понимает истинной глубины духовной жизни настоящего христианина, его внутренней борьбы и победы над своими страстями, его благоговейной любви к Богу, определения смысла земной жизни в спасении своей души через служение Богу и людям.

Текст первых глав монолога Мцыри говорит о том, что состояние его души связано и с **возрастом** героя, с неизбежной сменой трех начальных этапов человеческой жизни: детство — отрочество — юность.

Детство Мцыри прошло в родном «мирном доме», в гармоническом мире любви и заботы родных, в мире необыкновенной красоты вольной и дикой природы «незыблемого Кавказа» (гл. 6), и в его памяти сохранилось как земной рай, как **языческий рай**, куда он и мечтал вернуться в эпоху отрочества-юности. То, что Мцыри не вспоминает мать, говорит о том, что он, видимо, как и Лермонтов, очень рано лишился материнской любви.

Одинокое **отрочество** началось с шести лет, когда Мцыри оказался в **плену** и началась новая, трагическая эпоха в его жизни, время мучительных дум и страданий, высококой мечты об отечестве и пробуждения опасных природных инстинктов и страстей, время одного жизненно важного вопроса — о **высшем смысле и цели жизни**, без конкретного ответа на который все становится бессмысленным и ненужным. Мцыри вспоминает **воина-отца**, вспоминает его «кольчуги звон и блеск ружья» (гл. 7) и ищет ответ на главный для себя вопрос: «Давным-давно задумал я / Взглянуть на дальние поля, / Узнать, прекрасна ли земля, / Узнать, для воли иль тюрьмы / На этот свет родимся мы» (гл. 8)

А **юность**, «разгульная юность» Мцыри, наполненная **любовью** к отечеству и родным и **ненавистью** к неволе, к «тюрьме», но ограниченная всего «тремя блаженными днями», по сути, начинается с тайного побега из монастыря-тюрьмы, ибо истинная цель и высший смысл своей жизни им как будто были найдены. Воля воспринимается Мцыри не только как избавление от плена в монастыре-тюрьме, но и как языческая свобода от Божьих заповедей, от всех нравственных и духовных ограничений христианства.

Не случайно именно «в час ночной, ужасный час», когда началась гроза, Мцыри бежит из монастыря, бежит как язычник, чувствуя свое родство с грозой, желая, «как брат», обняться с бурей, обрести дружбу «меж бурным сердцем и грозой», в то время как монахи, напуганные грозой, «столпясь при алтаре, / Ниц лежали на земле» (гл. 8). Это низший уровень проявления у монахов Божьего страха — страха наказания, в то время как на глубинном уровне христианам является страх утраты Божией любви и защиты.

Для людей с религиозным мировосприятием гроза — это проявление Божьего гнева, напоминание о божественном возмездии и Страшном суде. В поэме **гроза** разразилась и **над Мцыри** как грозное предупреждение о возможном наказании за побег из монастыря именно тогда, когда Мцыри должен был «изречь монашеский обет», и **над**

⁵¹ Бабаев Э. Указ. соч. С. 6.

монастырем, над монахами, не сумевшими спасти детскую душу природного человека, помочь обрести Мцыри глубокую веру и истинную любовь к Богу; над монахами, лишившими пленника свободы выбора между мирской и монашеской жизнью.

И в первую же ночь бегства «из цивилизованного, христианского мира в естественную среду» (Ю. Манн), отказавшись от любви и защиты Бога и подчиняясь неодолимому зову природы, дикому, стихийному чувству, обретя долгожданную свободу, Мцыри ощутил себя **зверем**, чуждым миру людей, зверем, подобным шакалу или змее: «Я сам, как зверь, был чужд людей / И полз, и прятался, как змей» (гл. 9). А уже на рассвете Мцыри оказался на краю «грозящей бездны»: «Туда вели ступени скал; / Но лишь злой дух по ним шагал, / Когда, низверженный с небес, / В подземной пропасти исчез» (гл. 10).

Как отмечает Ю. Манн, «фоном к истории Мцыри тут дано отпадение «злого духа» (то есть как бы предыстория Демона). В отличие от него, Мцыри удержался на краю бездны, не упал <...> Мцыри бежит от монастыря, а монастырь — дело, угодное богу <...> отпадение осуществляется без богохульства, отказ от освященного высшим авторитетом — без открытой вражды <...> Это особое, недемоническое отпадение...»⁵²

Из трех дней, проведенных Мцыри на воле, действительно «блаженным» оказался только первый день. В **6-й** и **11-й** главах Мцыри рассказывает о том, что он «видел на воле», и перед читателем раскрывается удивительно нежная и по-детски чистая душа героя, его настоящий поэтический дар видеть, чувствовать и описывать красоту природы, воспринимать ее как «Божий сад». Мцыри угадывает «думы темных скал», разделенных потоком, слышит речь «волшебных, странных голосов» природы «о тайнах неба и земли»; ему кажется, что в чистом небесном своде «ангела полет / Прилежный взор следить бы мог».

Т. Алпатова, ссылаясь на слова игумена Илариона («Рай есть не столько место, сколько состояние души...»), ошибочно утверждает, что «в святоотеческой и богословской литературе рай относится к сфере психологии»⁵³, из чего следует, что Мцыри, бежавший из монастыря-тюрьмы, всего лишь психологически воспринимает природу как «Божий сад» и так воспринимает именно потому, что впервые за много лет оказался «на воле». Исследователь, видимо, не осознает того, что райское состояние души связано не столько с психологией, сколько с высшим, глубинным — **духовным** — уровнем человеческого бытия. Кажется, что красота «Божьего сада», подобного эдемскому саду (каким он предстает в книге Бытия и в котором царит первозданная гармония божественного и человеческого миров), еще может остановить Мцыри, предотвратить дальнейшее падение и помочь выбрать другой, спасительный для него путь.

В **12** и **13-й** главах ключевым является образ **молодой грузинки**. Д. Максимов и другие видят в ней «препятствие» и «соблазн любви»⁵⁴, видят проявление в ней «змеиною начала». И для этого в поэме как будто есть основания: «И гладкой чешуей блестя, / Змея скользила меж камней...» (гл. 9) — «Порой / Она скользила меж камней, / Смеясь неловкости своей» (гл. 13); к тому же и Мцыри «с крутых высот / Спустился...» (гл. 12), и «Грузинка... / Сходила к берегу» (гл. 13). А. Моторин говорит о «втором грехопадении» героя, «соответствующем вкушению запретного плода райского сада», после чего «Мцыри исторгается из пределов райской гармонии жизни»⁵⁵.

Нам ближе лаконичное высказывание Л. Ходанен о том, что здесь «ему открывается другая обитель спасения»⁵⁶, ближе и следующее утверждение С. Савинкова: «В ночном молчаливом мире мерцающая, как путеводная звезда, сакля будет призывать лер-

⁵² Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. С. 205, 209.

⁵³ Алпатова Т. А. Рай // М. Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь. С. 410.

⁵⁴ Максимов Д. Е. Указ. соч. С. 230.

⁵⁵ Моторин А. В. Творческий жребий М. Ю. Лермонтова. С. 448.

⁵⁶ Ходанен Л. А. Указ. соч. С. 307.

монтовского героя на путь любви и — на этом пути обрести свою собственную отчизну»⁵⁷. Ведь Мцыри еще пребывал в «*Божьем саду*», в стране, на которую «*Божья благодать сошла*», а необходимый спуск вниз и Мцыри, и молодой грузинки был не в бездну, не в пропасть, а всего лишь к берегу горной реки, недалеко от которой «*в прохладной мгле, / Казалось, приросли к скале / Две сакли дружною четой*» (гл. 13).

Мцыри был потрясен «*безыскусственно живым*», «*сладко вольным*» голосом и «*простой песней*» поющей грузинки (гл. 12), а первые стихи 13-й главы приобретают символическое значение: «*Держа кувшин над головой, / Грузинка узкою тропой / Сходила к берегу*». Мцыри, сжигаемый «*пламенной страстью*», отказывается от «*кувшина*» с «*живой водой*» христианской веры и любви, отказывается от «*узкой тропы*» к спасительному «*берегу*». Вспомним Новый Завет: «*Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущий к гибели, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущий в жизнь, и немногие находят их*» (Мф. 7:13–14).

Если раньше Мцыри отказался от «*небесного пути*», от духовного служения и молитвенного подвига в монастыре (Божьем доме), то теперь ради «*пламенной страсти*» отказывается и от спасительного «*земного пути*» и заглушает в себе пробуждающееся чувство **любви** к той, чей «*мрак очей был так глубок, / Так полон тайнами любви*», отказывается от возможности счастья в мирской жизни, примирения с христианским миром и обретения душевного покоя и внутренней гармонии через любовь, через создание христианской **семьи и дома** как малой церкви. Мцыри отказывается от **мирной жизни** в сакле, «*над плоской кровлею*» которой «*дымок струился голубой*», в которой «*огонек / То трепетал, то снова гас: / На небесах в полночный час / Так гаснет яркая звезда!*»; отказывается от жизни в «*Божьем саду*» христианского мира: «*Я вижу будто бы теперь, / Как отперлась тихонько дверь... / И затворилась опять!..*» (гл. 13). Это и означает выбор пути «*злого духа*», восставшего против Бога, выбор пути познания («*Узнать, для воли иль тюрьмы / На этот свет родимся мы*»). И очень знаменательно признание Мцыри уже в концовке следующей главы: «*Но скоро в глубине лесной / Из виду горы потерял / И тут с пути сбиваться стал*» (гл. 14).

Резкую смену состояния природы, ее превращение из «*друга*» во «*врага*» отмечают многие исследователи, но трактуют это по-разному: «*Эти изменения легко могут быть мотивированы физиологически (Мцыри постепенно растрчивает свои силы) и психологически (он все больше и больше теряет надежду)*»⁵⁸; «*зло здесь существует в самом добре*»⁵⁹; «*природа, как и человек, двойственна*»⁶⁰; «*в отношениях природы и Бога гармония сочетается с трагическим разрывом*»⁶¹; «*дикая красота природы враждебна человеку <...> он ей чужой*»⁶²; «*природа, для общения с которой у Мцыри нет никаких навыков*», выступает «*орудием судьбы*»⁶³; природа мстит человеку за измену, за преодоление «*естественных страстей — голода и любви*» и «*коварно скрывает от него горы*»⁶⁴; природа «*начинает казаться Мцыри (именно казаться, а не быть) враждебной*»⁶⁵.

В нашем восприятии дневной **рай** «*Божьего сада*» внезапно сменяется для Мцыри крошечным ночным **адом**, подобным земле, «*постигнутой проклятием за грех Адама*

⁵⁷ Савинков С. В. Творческая логика Лермонтова. Воронеж, 2004. С. 155.

⁵⁸ Максимов Д. Е. Указ. соч. С. 227.

⁵⁹ Манн Ю. В. Указ. соч. С. 207.

⁶⁰ Лебедев Ю. В. М. Ю. Лермонтов и русская литература второй половины XIX века // Современное прочтение русской классической литературы XIX века. Ч. 1. М., 2007. С. 109.

⁶¹ Ранчин А. М. Указ. соч. С. 311, 315.

⁶² Серман И. Указ. соч. С. 153.

⁶³ Кормилов С. Указ. соч. С. 127.

⁶⁴ Янченко Е. Е. Диалектичность природы в творчестве Лермонтова // Литературоведческий журнал. 2014. № 35. С. 37, 38.

⁶⁵ Марченко А. М. Указ. соч. С. 459.

и Евы»⁶⁶, именно после его окончательного отпадения от Бога, отказа от двух спасительных для души путей: «*Все лес был, вечный лес кругом, / Страшней и гуще каждый час; / И миллионом черных глаз / Смотрела ночи темнота / Сквозь ветви каждого куста...*» (гл. 15). Чувство бесконечного одиночества, отчаяния, полного бессилия и детской беспомощности овладело им в чужом и темном лесу: «*Тогда на землю я упал; / И в иступлении рыдал, / И грыз сырую грудь земли, / И слезы, слезы потекли / В нее горячею росой...*» (гл. 15)⁶⁷. Мцыри в отчаянии рыдал, подобно тому как «*в ущелии шакал / Кричал и плакал, как дитя*» (гл. 9).

И теперь Мцыри снова почувствовал себя зверем: «*...помощи людской / Я не желал... Я был чужой / Для них навек, как зверь степной*». Не только природа была враждебна ему, но и звери тоже становятся его врагами. Мы подошли к кульминации поэмы. Описание встречи и борьбы Мцыри с барсом занимает три главы (16–18).

Обычно исследователи видят в этой сцене «апогей героического пафоса поэмы», а также «максимальное торжество героической воли Мцыри»⁶⁸, «кульминационный порыв к прекрасному идеалу <...> непостижимому в пределах земного круга»⁶⁹. И по мнению Э. Найдича, «здесь так же, как ранее в „Парусе“, прославляются мужество, преодоление трудностей, умение вести борьбу»⁷⁰.

Но самое глубокое наблюдение делает В. Ходасевич (1886–1939) в статье «Фрагменты о Лермонтове» (1916): «Мцыри, томящийся миром, звереет. Это минутное озверение для него сладостно, и едва ли каким-нибудь другим словом, кроме сладострастия, можно обозначить тот трепет, с каким Лермонтов описывает борьбу Мцыри с барсом»⁷¹.

Именно бой с барсом раскрывает глубинный, скрытый смысл «пламенной страсти», с христианской точки зрения отрицательного полюса мечты Мцыри о родине и дикой воле, о «чудном мире тревог и битв»: «*Я ждал, схватив рогатый сук, / Минуту битвы; сердце вдруг / Зажглося жаждою борьбы / И крови...*» (гл. 16)⁷². Если в начале монолога Мцыри имел право сказать: «*Но людям я не делал зла*», — то теперь в случае успешного побега на родину его ожидало неизбежное «озверение» и «зло» беспощадной войны с другими горскими племенами. Реальная картина быта и нравов кавказских народов была дана Лермонтовым еще в ранней поэме «Измаил-Бей» (1832): «*И дики тех ущелий племена, / Им Бог — свобода, их закон — война. / Они растут среди разбоев тайных, / Жестоких дел и дел необычайных*».

В кровавом бою Мцыри испытывает чувство глубокого родства с барсом, ощущение сладостного счастья от вкуса крови, самого процесса борьбы и торжества власти над поверженным врагом⁷³. Как и с барсом, с такой же «жаждой борьбы и крови» Мцы-

⁶⁶ Аверинцев С. С. Указ. соч. С. 376.

⁶⁷ В Новом Завете, как отмечает С. Аверинцев, «состояние пребывающего в аду описывается <...> изнутри (как боль); упоминания об аде в притчах Иисуса Христа рефреном замыкаются словами: „там будет плач и скрежет зубов“ (Мф. 8:12; 13:42 и 50; 22:13; 24:51; 25:30)» (Аверинцев С. С. Указ. соч. С. 32).

⁶⁸ Максимов Д. Е. Указ. соч. С. 232, 235.

⁶⁹ Лебедев Ю. В. Указ. соч. С. 109.

⁷⁰ Найдич Э. Э. Этюды о Лермонтове. СПб., 1994. С. 194.

⁷¹ Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 1. С. 442.

⁷² Н. Литвинов пишет о реальном «мире тревог и битв» горских племен Кавказа: «Основным образом жизни для многих племен Кавказа был криминальный набег, „набеговое производство“. Здесь процветала работоторговля, потребителями которой были Персия и Турция. <...> Жизнь горских племен практически полностью зависела от набегового производства, от грабежей и разбойных нападений на предгорья и на более слабых соседей. <...> на Кавказе процветала всеобщая вражда между этносами» (Литвинов Н. Д. Указ. соч. С. 212, 230, 232).

⁷³ Ср.: «Природа дает Мцыри свободу, счастье любви (грузинка) и счастье борьбы с честным и смелым противником. <...> Барс, давший Мцыри познать радость честной битвы, милосерднее к герою и человечнее, чем ласковые тюремщики-монахи» (Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 547).

ри будет биться и с человеком, представителем враждебных племен. Любая война, битва, бой с врагом неизбежно на какое-то время превращает человека в зверя: «И я был страшен в этот миг; / Как барс пустынный, зол и дик, / Я пламенел, визжал, как он; / Как будто сам я был рожден / В семействе барсов и волков / Под свежим пологом лесов» (гл. 18).

По мнению Т. Алпатовой, «в лермонтовском художественном мире», в том числе и в поэме «Мцыри», «реализуется метафора „жизненного пути“ как пути домой, к изначальной полноте райского существования»⁷⁴, но мы видим, что «языческий рай» Мцыри включает в себя «сладоострастное озверение» человека и «жажду крови». Несмотря на победу над барсом, именно здесь Мцыри, оказавшись во власти звериных инстинктов, терпит свое главное поражение: в нем зверь побеждает человека, дьявол побеждает Бога. Русский религиозный мыслитель XX века Б. Вышеславцев (1877—1954) в статье «Многообразие свободы в поэзии Пушкина», опираясь на рефлексологию Павлова, выделяет два глубинных природных инстинкта, свойственных всем живым существам, — **инстинкт свободы** и **инстинкт власти**: «Эти два противоположных рефлекса <...> безусловны в том смысле, что они даны по природе, даны от рождения, им не нужно учиться, они не созданы культурой, они элементарны и стихийны, как сама жизнь»⁷⁵.

Человек, отринувший Бога и христианские нравственные законы, неизбежно оказывается во власти глубинного животного инстинкта. Настоящая бездна и безобразие («жажда борьбы и крови») неожиданно открываются в герое Лермонтова за внешне красивыми и высокими мечтами о родине и свободе, о борьбе и подвигах, открываются за внешне очень красивой формой самих стихов.

Как поясняет С. Савинков, «путь одичания и приводит Мцыри к потере ориентиров: отчизна, родные горы теряются из виду, закрываются для него непроницаемой стеной»⁷⁶. На второе утро после побега из монастыря Мцыри с ужасом увидел, что вернулся к своей «тюрьме», и услышал ненавистный ему «дальний колокола звон»: «Казалось, звон тот выходил / Из сердца — будто кто-нибудь / Железом ударял мне в грудь. / И смутно понял я тогда, / Что мне на родину следа / Не проложить уж никогда». Но ведь, по мнению С. Аверинцева, «самая сущность православия выражается в колокольном звоне»⁷⁷. Сам он свою неудачу объясняет **судьбой** («Но тщетно спорил я с судьбой: / Она смеялась надо мной!»; гл. 19) и **физической слабостью** человека, выросшего в христианском монастыре («Да, заслужил я жребий мой! <...> На мне печать свою тюрьма / Оставила...»; гл. 21). Трагедию Мцыри так же объясняют и очень многие исследователи.

Но судьба — это языческое понятие⁷⁸, часто приобретающее трагический смысл и получившее «ранг серьезного философского понятия» в «позднеромантическом неоязычестве»⁷⁹. Языческой «слепой» и «темной» судьбе или Року (благоприятную судьбу относили к разделу «удачи» или «фортуны») в христианском учении противопоставлен Промысл Божий, который святые отцы еще называют «попечением», направленным ко благу человека. Божий Промысл открывается преимущественно в двух действиях: в сохранении (сбережении, защите, спасении) и в управлении, когда Бог направляет

⁷⁴ Алпатова Т. А. Указ. соч. С. 412.

⁷⁵ Вышеславцев Б. П. Этика преображенного эроса. М., 1994. С. 162.

⁷⁶ Савинков С. В. Указ. соч. С. 143.

⁷⁷ Аверинцев С. С. Другой Рим: Избр. статьи. СПб., 2005. С. 310.

⁷⁸ Как показал М. Вайскопф, языческая основа фатализма затрагивалась многими русскими романтиками, причем у них «Судьба выглядит сильнее или хитрее Бога» (Вайскопф М. Я. Указ. соч. С. 197).

⁷⁹ Аверинцев С. С. София — Логос: Словарь. С. 409.

христианина «как в мире вещественном, так и в мире нравственном <...> к предположенной Им цели творения»⁸⁰; а трудную земную участь христианин воспринимает как испытание, ниспосланное Богом.

С нашей точки зрения, Мцыри погубил змей-искуситель: ведь не случайно образ змеи дважды появляется в поэме (в 9-й и 22-й гл.). Мцыри погубила не «слепая судьба», а его «пламенная страсть», демоническая страсть, и его гордыня, которая так до конца и не оставляла героя, воспринимающего жалость монашеской братии как позор: «И вашей жалости позор!..» (гл. 20). Свое внутреннее состояние, состояние своей души, с «жаром бессильным и пустым», Мцыри переносит на Божий мир: «Мир Божий спал / В оцепенении глухом / Отчаянья тяжелым сном» (гл. 22). И в этом, конечно, уже не Божьем, а лишенном благодати мире, находящемся во власти дьявола, только змея «играет» и «нежится», а Мцыри безмерно страдает и мучается от жара адского пламени: «...палил меня / Огонь безжалостного дня. <...> Иссохший лист ее венцом / Терновым над моим челом / Свивался, и в лицо огнем / Сама земля дышала мне» (гл. 22).

Здесь, по мнению А. Ранчина, «поэт сравнивает своего персонажа с Иисусом Христом, на которого возложили терновый венец перед распятием». Но тут же исследователь отмечает, что «Лермонтов использует эту библейскую модель, наполняя ее противоположным содержанием по сравнению с евангельским»⁸¹. В нашем восприятии это ложное сравнение принадлежит не поэту, а герою-язычнику, несколько лет прожившему в христианском храме и воспринимающему «терновый венец» только как символ «горьких мук».

Весь рассказ Мцыри заканчивается воспоминанием о «предсмертном бреде», о «безумном бреде», о песне золотой рыбки (гл. 23). Очень интересную интерпретацию этого эпизода предлагает Д. Максимов: «...лермонтовская рыбка не только прелестна и беспрельдно ласкова, но вместе с тем, по объективному смыслу ее призывов, и демонична. Она не только сулит любовь, но и соблазняет небытием, смертью, притворившейся блаженным наркотическим существованием <...> Это — тоже путь, один из тех путей, которые возникали перед Мцыри в дни его странствования»⁸².

В нашем восприятии в женском образе золотой рыбки является герою тот же змей-искуситель («И, гладкой чешуей блестя, / Змея скользила меж камней» — гл. 9; «Чешуей / Была покрыта золотой / Ее спина» — гл. 23) «серебристым голоском» обещая ему обольстительную, чарующую, соблазнительную свободу от монастыря-тюрьмы, обещая вечный и вольный покой (а по сути — смерть) и свою вечную любовь. И это обольщение золотой рыбки для обессиленного, неспособного продолжать борьбу Мцыри сладостно. Теперь уже окончательно для Мцыри «Божий свет в глазах угас», а в душе остался только «тихий ропот», как и у «звучной струи»: «И долго, долго слушал я, / И мнилось, звучная струя / Сливала тихий ропот свой / С словами рыбки золотой». И все же, воспринимая свое состояние как «безумный бред», Мцыри отвергает искушение «рыбки золотой».

Перед смертью у Мцыри не наступает прозрения: находясь в состоянии духовной слепоты, духовного помрачения, он принимает демонический «пламень» в своей груди за божественный. Верность своей мечте, своему первому искушению Мцыри сохраняет до конца: «...пускай в рай, / В святом, заоблачном краю / Мой дух найдет себе приют... / Увы! — за несколько минут / Между крутых и темных скал, / Где я в ребячестве играл, / Я б рай и вечность променял...» (гл. 25).

В чем смысл концовки поэмы? Что означает просьба Мцыри перед смертью («Когда я стану умирать...») перенести его в сад, «откуда виден и Кавказ», его «милая страна»?

⁸⁰ Православие: Словарь-справочник. М., 2007. С. 693.

⁸¹ Ранчин А. М. Указ. соч. С. 314, 315.

⁸² Максимов Д. Е. Указ. соч. С. 239, 240.

Одни исследователи настаивают на «религиозном смирении» (Н. Котляревский), «примирении» (А. Позов), «христианском всепрощении» (В. Аношкина-Касаткина) лермонтовского героя; другие полностью отрицают его «примирение» (Б. Эйхенбаум, Д. Максимов, Н. Федосеенко).

По мнению А. Моторина, Мцыри «просит похоронить себя в пределах монастырского сада, а не за пределами, не в лоне дикой природы, отторгнувшей его», и тем самым «невольнo признает, что только здесь, за оградой христианской веры, природа, особо проникнутая божественной благодатью, являет собой подобие рая на земле»⁸³. И Наталия Видмарович, хорватский литературовед, пишет об исцелении, смирении, покаянии и спасении Мцыри: «...слова „Но людям я не делал зла!“ в начале монолога и „никого не прокляну!“ в конце служат залогом к его примирению с Богом <...> готовности к следованию предназначению, предначертанному Богом»⁸⁴.

Но вспомним, что Мцыри в первое же утро после своего ночного побега воспринимает природу как «*Божий сад*» именно вне стен монастыря. Подтвердить правоту Д. Максимова нам поможет книга Д. Лихачева (1906—1999) «Поэзия садов», в которой автор пишет о существовании трех типов монастырских садов: это хозяйственные (огороды), внутримонастырские и те сады, что находились «за монастырской оградой и связывались с представлениями о священных рощах». На Руси в средние века, «после основания Сергием Радонежским Троицкого монастыря, когда скитничество стало развиваться», садом называли то красивое место природы, «праведной природы», «не измененной греховным человеком природы», где и возникал монастырь. И поддерживалось это представление, отмечает Д. Лихачев, «учением исихастов <...> учением Нила Сорского». И только «в XVI веке с развитием огромных общежительных монастырей вновь возродилась идея внутримонастырского сада», что связано с «религиозными концепциями Иосифа Волоцкого»⁸⁵.

Как хорошо известно, в XVI веке существовало два направления, две школы русской церковной жизни — заволжских «нестяжателей» и осифлян, — основателями которых были Нил Сорский (1433—1508) и Иосиф Волоцкий (1439—1515). И в духовной жизни, и в социальных вопросах одни исходят из любви и кротости, из духовной свободы и всепрощения, из созерцания божественной красоты природы и независимости от светской власти, другие — из страха наказания и строгости к грешнику, из обрядового благочестия и, как пишет русский историк и религиозный мыслитель Г. Федотов (1886—1951), «работают над укреплением самодержавия и добровольно отдают под его попечение свои монастыри»⁸⁶. Это противостояние и борьба, этот, по словам С. Аверинцева, «спор о насилии и отказе от насилия»⁸⁷, закончились «настоящим разгромом целого духовного направления» и «церковным торжеством осифлянства»⁸⁸.

В нашем восприятии в поэме русского поэта «с обостренным христианским слухом» (В. Котельников), великого национального поэта, несомненно глубоко знавшего русскую историю (автора гениальной «Песни о купце Калашникове»), природа-сад, о котором говорит Мцыри и который он, как и в первый день побега, воспринимает как «*Божий сад*», этот сад находится вне монастыря. Язычник Мцыри, может быть, надеется на то, что и похоронен будет в этом «диком» райском саду, вне монастыря-тюрьмы. Умиравший пленник называет это место «*наш сад*», может быть, потому, что он

⁸³ Моторин А. В. Творческий жребий М. Ю. Лермонтова. С. 442.

⁸⁴ Видмарович Н. Указ. соч. С. 115—119.

⁸⁵ Лихачев Д. С. Поэзия садов. Л., 1982. С. 52, 53, 60.

⁸⁶ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. Ростов-на-Дону, 1999. С. 235.

⁸⁷ Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности // Аверинцев С. С. Другой мир. С. 353.

⁸⁸ Федотов Г. П. Указ. соч. С. 238.

вместе с чернецом неоднократно в молчании гулял в этом саду, который для православного монаха был подобен христианскому раю, а для язычника — природному раю, гулял в молчании, потому что в поэме ни разу не звучит голос чернеца, потому что этот монах, «*святой отец*», видимо, был верен учению исихастов и старца Нила Сорского и существенно отличался от других монахов, представителей церковного направления Иосифа Волоцкого. Именно поэтому только он один и остался на обломках уже разрушенного монастыря, чтобы продолжать молитвенное служение. В этом образе для читателя как будто ощутимы такие ключевые концепты православного богословствования, как кеносис и безмолвие. Отметим, что все эти суждения связаны с общим пониманием смысла произведения и остаются на уровне интуитивного предположения, ибо монастырская жизнь и состояние грузинской церковной жизни в поэме практически лишены реальных примет.

В финале поэмы в главном герое проявляются бесконечная усталость и какой-то паралич воли, тяга к смерти, и только созерцание красоты природы смягчает печальную горечь в душе Мцыри («*Меня печалит лишь одно: / Мой труп холодный и немой / Не будет тлеть в земле родной*»). Именно признание своего личного поражения в споре с судьбой, а не христианское покаяние и высокое религиозное смирение выражено в последней главе поэмы. По словам выдающегося богослова XX века А. Шмемана (1921—1983), для человека «настоящее, христианское раскаяние — это, прежде всего, осознание им той бездны, что отделяет его от Бога и от всего того, что Бог дал и открыл человеку <...> только в подлинно христианской, глубокой и правдивой оценке мира, жизни, культуры понятие греха обретает свой настоящий смысл — прежде всего как извращение всей направленности сознания, любви, интереса, стремлений <...> Как поклонение ценностям, не имеющим подлинного значения...»⁸⁹

С. Кормилов вслед за Д. Максимовым говорит о продолжающемся мятеже героя поэмы: «...монахи пока ни в чем не виноваты, но мятежный Мцыри предупреждает их о возможности проклятия, если они не выполнят его последнюю просьбу и оставят провинившегося собрата умирать в тесной и душной келье <...> Смирения в его словах действительно нет, больше того — есть **угроза**, есть продолжающийся мятеж даже и после победы судьбы»⁹⁰.

Как «тихий ропот» звучат последние слова умирающего послушника. «*Никого не проклян*» означает, что язычник Мцыри не проклянет ни монахов, ни монастырь, ни христианского Бога при условии, если ему позволят вернуться в природу-сад, в языческий рай, вернуться к своему богу. Но монах не может пообещать выполнить эту просьбу, потому что решение в монастыре, который живет, видимо, по монастырскому уставу, написанному Иосифом Волоцким, принимает настоятель. Согласно этому уставу в монастыре необходима жесткая дисциплина, резко ограничивающая сферу свободы, неотвратимы суровые наказания за любые нарушения устава и не только возможно, допустимо, но просто необходимо применение **насилия**⁹¹.

⁸⁹ Шмеман А. Святая святых. Размышления об исповеди и причащении Святых Тайн. Киев, 2004. С. 48.

⁹⁰ Кормилов С. И. Указ. соч. С. 129.

⁹¹ В монастырском уставе, известном под названием «Духовная грамота», «Иосиф предстает перед нами как выразитель внешней, формально понимаемой христианской аскезы. Духовное окормление иноков Иосиф строит не на совершенствовании души воли, а на внешне безупречном поведении монаха <...> Он воспитывает инока не воздействием на его совесть, не доказательствами духовного достоинства аскезы, а запугиванием непослушных. Монах при этом видел в настоятеле не духовного наставленника, которому он мог бы открыть свои душевные тревоги и получить от него совет и помощь, а монастырское начальство, которое <...> обязано наказывать его за любую, самую малую провинность» (Смолич И. К. Русское монашество (988—1917). М., 1999. С. 63—64).

В истории своей страны монастыри имели особое значение, аккумулировали духовную энергию, были центрами святоотеческой книжности, иконописи, но нередко монастыри использовались и как тюрьмы. В работе П. Зырянова мы читаем: «В первой половине XIX века в каждой епархии, как правило, существовали „исправительные“ тюрьмы. Люди, имевшие духовный сан, отсылались в них за большие и малые провинности. <...> Особо провинившиеся попадали в две общероссийские монастырские тюрьмы — при Соловецком и суздальском Спасо-Евфимьевом монастырях»⁹². Что ожидало бы Мцыри в случае его выздоровления? Видимо, суровое наказание. Например, согласно «Регламенту или Уставу Духовной Коллегии», изданному 25 января 1721 года, монахов, сбежавших и возвращенных, надлежало «держать по смерти в оковах и трудах монастырских»⁹³.

Можно предположить, угроза проклятия монастыря умирающим в душной келье пленником осуществилась. А проклятый послушником монастырь, монастырь-тюрьма, Богу не угоден, о чем и говорят развалины, описанные повествователем в 1-й главе. Монаху, «старикому седому», видимо чувствуящему свою бесконечную вину перед «сыном своим», только и остается неустанно и в кротком молчании молиться за спасение души юноши, погубленного «пламенной страстью», демонической страстью, видимо умершего в дьявольском соблазне без покаяния, молиться о процветании своей родины и сохранении для нее «Божьей благодати», молиться о Православной церкви и спасении собственной души.

Не монах, а повествователь рассказывает читателю историю Мцыри, а Автор выражает христианскую истину в идее религиозного **смирения** в 1-й главе («И Божья благодать сошла на Грузию») и при всей своей любви, сострадании и даже восхищении героизмом «естественного человека» опровергает ложную идею (языческую истину) мятежа и бунтарского пути Мцыри к «дикой воле», к «природной свободе»⁹⁴, героя «со смешанным язычески-пантеистическим и антихристиански-демоническим сознанием» (А. Моторин)⁹⁵.

Лермонтов, по словам современного исследователя, «был укоренен в православной русской духовной традиции»⁹⁶, и, в отличие от своего героя-язычника, прошел мученический духовный путь восхождения и открытия «простой» истины, постижения конкретного языческого «таинства», противоположного христианскому таинству, понимания «безобразной красоты», и пережил всю бездонность скуки-тоски лишенного благодати человека:

Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.

Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.

⁹² Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 320.

⁹³ Там же. С. 206.

⁹⁴ Ср.: «Может быть, помимо своей воле и первоначальному замыслу, Лермонтов разоблачил эту свободу» (Позов А. Указ. соч. С. 150).

⁹⁵ По мнению С. Бройтмана, несмотря на физическую гибель, Мцыри одерживает «духовную победу» (Теория литературы: В 2 т. Т. 2. С. 329).

⁹⁶ Алексеев А. Предисловие // М. Ю. Лермонтов и православие. С. 10.

Итак, каковы же главные причины трагедии Мцыри? Исследователи по-разному отвечают на этот вопрос: многие считают лермонтовского героя жертвой «судьбы» и «цивилизации» (Ю. Лотман, Ю. Манн, А. Гуревич, А. Ранчин и др.), жертвой «кавказской войны» (Д. Максимов), «самодержавной политики» (Г. Макогоненко), «общества» (В. Вацуро), «монастырской жизни» (игумен Нестор), «пламенной страсти» (С. Ломинадзе, М. Дунаев). По мнению А. Козлова, «смерть здесь <...> результат пребывания вне монастыря»⁹⁷. Мы тоже предлагаем несколько объяснений, выстраивая необходимую иерархию пяти основных уровней человеческого бытия.

На **религиозно-духовном** уровне — это прежде всего язычески-романтическое (мечтательное) мировосприятие юноши, так и не ставшего христианином, несмотря на многолетние усилия монахов. Для христианина есть разные пути служения Богу: для немногих, избранных, — это монастырь, требующий исключительного напряжения религиозно-мистической воли, устремленной от природно-человеческого к богочеловеческому, а для многих — это христианская семья как малая церковь, семья, освященная венчанием в христианском храме, ибо брак, освященный венчанием, понимается как соучастие в мистическом браке Христа и Церкви (Еф. 5: 22–32). Мцыри как **язычник** отвергает оба пути, выбирает «природную жизнь», путь «дикой воли», духовного бунта и тем самым противостоит Богу.

На **философском** уровне — это ложный ответ на основной бытийный вопрос о высшем смысле и высшей цели земной жизни: мы рождены для «воли» борьбы (ср.: «А он, мятежный, просит бури...»), для ничем не ограниченной свободы; но «борьба как модель неизбежно сама становится злом» (А. Шмеман).

На **нравственном** уровне — это глубокая противоречивость природного идеала «естественного человека», в результате чего Мцыри оказался рабом «пламенной страсти», включающей в себя «жажду борьбы и крови».

На **психологическом** уровне — это невозможность для «природного человека» жить в неволе, в монастыре-тюрьме (подобно тому как не всякая птица выживет в клетке).

На **социальном** уровне — это насилие государства в лице «русского генерала» и насилие христианской церкви в лице монахов православного монастыря. А монастырь, ставший тюрьмой, и есть **зло**, проникшее в церковь.

«Монастырь — тюрьма в лермонтовских произведениях, — замечает Н. Любович, имея в виду поэмы „Исповедь“, „Боярин Орша“ и „Мцыри“, — оплот насилия над естественными чувствами, притом насилия, освященного религией. Эта последняя особенность и составила идейно-образную специфику всех трех поэм. Все три исповеди — испанского монаха, Арсения и Мцыри — представляют собой в целом пламенное и последовательное обличение краеугольных основ религиозной нравственности»⁹⁸. С нашей точки зрения, это все-таки обличение Лермонтовым не христианства, а церкви, нередко прибегающей к насилию и таким образом дискредитирующей христианское учение.

Может быть, развалины монастыря, описанные в первой главе, — это результат проявления высшего возмездия? Монастырь, «Божий дом», в борьбе за душу Мцыри, наделенного необыкновенным даром слова и поразительно глубоким восприятием красоты природы, оказался побежденным дьяволом-искусителем. Может быть, развалины — это результат Божьего возмездия монастырю за принуждение, за **насилие** над Мцыри, за лишение его права свободного выбора (иначе почему он совершает дерзкий побег в грозовую ночь)?

⁹⁷ Козлов А. Ю. Тысячелетний путь литературы. СПб., 2015. С. 173.

⁹⁸ Любович Н. С. Указ. соч. С. 123.

Наш ответ все-таки иной: это не столько возмездие, сколько **попущение Бога**, оставившего монастырь без Своей защиты и любви. Такой монастырь не нужен Богу. Образ разрушенного монастыря приобретает зловещий символический смысл. **Православная церковь**, пережившая ужасающий кровавый раскол в XVII веке и переживающая трагический раскол в наши дни, несет высочайшую ответственность за состояние мира и за душу каждого христианина, за то, что «человечество теряет веру в Бога» (С. И. Фудель) и разрушается христианский дух. И церкви требуются **истинное покаяние** и **духовное преображение**. В нашем восприятии такова пророческая позиция Автора в поэме Лермонтова «Мцыри».